

Екатерина II, А. Н. Пыпин

Сочинения императрицы Екатерины II
Том 1. Драматические сочинения

УДК 304
ББК 60.5
Е45

Е45 **Екатерина II**
Сочинения императрицы Екатерины II: Том 1. Драматические сочинения / Екатерина II, А. Н. Пыпин – М.: Книга по Требованию, 2023. – 472 с.

ISBN 978-5-4241-6043-1

На основании подлинных рукописей. С объяснительными примечаниями академика А.Н.Пыпина.
Издание Императорской Академии Наук.

ISBN 978-5-4241-6043-1

© Издание на русском языке, оформление
«УОУO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

нета Его Императорскаго Величества, въ собраніи рукописей I-го отдѣленія Библіотеки Имп. Академіи Наукъ, въ Имп. Публичной Библіотекѣ, — указывали необходимость цѣльнаго изданія литературныхъ произведеній императрицы Екатерины II, и постановленіемъ Отдѣленія русскаго языка и словесности 5 февраля 1900 г. (см. также протоколы 4 марта, 1, 22 и 28 апрѣля) опредѣлено было предпринять это изданіе въ ряду критическихъ изданій русскихъ писателей и возложить этотъ трудъ на меня.

Нынѣ закончена мною первая серія изданія. Она заключаетъ, въ четырехъ томахъ, драматическія сочиненія имп. Екатерины. Томы I—II заняты тѣми пьесами императрицы, которыя уже ранѣе были извѣстны въ печати, и здѣсь изданы въ сличеніи съ подлинными рукописями, дающими возможность видѣть первоначальную работу, поставить внѣ сомнѣнія самое авторство, опредѣлить своеобразный стиль и языкъ; пьесы сопровождаемы историко-литературными примѣчаніями. Въ III-мъ томѣ находится цѣлое собраніе пьесъ императрицы Екатерины, до сихъ поръ неизвѣстныхъ: изъ нихъ нѣсколько пьесъ вполне закончены, но не были изданы, другія не были закончены и остались только въ отрывкахъ и наброскахъ. Томъ IV заключаетъ французскія пьесы изъ „Théâtre de l'Hermitage“: напечатанныя въ 1788 г. въ небольшомъ числѣ экземпляровъ лишь для избраннаго придворнаго круга, эти пьесы не были никогда переизданы въ Россіи, и па-

рижская перепечатка „Théâtre“, 1799, составляет также большую библиографическую рѣдкость. Здѣсь также присоединено нѣсколько неизвѣстныхъ доселѣ сценическихъ отрывковъ.

Дальнѣйшіе томы изданія приготавливаются.

А. Пыпинъ.

Декабрь, 1900.

ВВЕДЕНІЕ.

Сочиненія императрицы Екатерины II только въ недавнее время, — не далѣе, какъ съ половины пятидесятихъ годовъ, — стали въ первый разъ предметомъ историко-литературнаго изученія и находить мѣсто въ исторіяхъ русской литературы.

Самая извѣстность авторства имп. Екатерины долго не устанавливалась въ русской литературѣ съ нѣкоторой увѣренностью: русскіе современники намекали на это лишь изрѣдка и осторожно; она сама никогда о томъ не заявляла. Въ письмахъ къ иностранцамъ, напр. Циммерману, она представляла свое авторство какъ личное развлеченіе и своимъ сочиненіямъ не придавала литературнаго значенія*); хотя въ другихъ случаяхъ, — въ письмахъ къ Вольтеру, послѣ къ Гримму и тому же Циммер-

*) Такъ въ письмѣ отъ 29 января 1789: «...J'aime les beaux arts par pure inclination. Pour mes écrits je les regarde comme peu de chose; j'ai aimé à faire des essais en differents genres, il me semble que tout ce que j'ai fait est assez mediocre, aussi n'y ai-je jamais attaché aucune importance, passé l'amusement. Zimmermanns Verhältnisse mit der Kaiserin Catharina II und mit dem Herrn Weikard. Nebst einer Anzahl Original-Briefe der Kayserin. Von H. M. Marcard, Leibmedicus zu Oldenburg und erstem Arzte zu Pyrmont. Bremen, bey Carl Seyffert. 1803. Anhang, письма императрицы, стр. 301 — 396.

ману, — она высказывала ожиданіе, что ея комедія, напр. направленныя противъ мистиковъ и мартинистовъ, могутъ имѣть значеніе урока и дѣйствовать на исправленіе нравовъ *). Но, открыто заявляя о своемъ авторствѣ западнымъ корреспондентамъ, императрица никогда не открывала его въ предѣлахъ русской книги, — это было понятно: ея высокое положеніе не совмѣщалось съ тою, слишкомъ скромною и незначительною ролью, какую занималъ русскій писатель тѣхъ временъ. Въ ближайшемъ кругу вкусы и работы императрицы были извѣстны; слухи расходились въ обществѣ, но никто не рѣшился бы, да и было невозможно, открыть не называемое имя. Отсюда произошло не мало историческихъ недоразумѣній, частію не разрѣшенныхъ и до сихъ поръ.

Но обществу уже рано даны были указанія на ли-

*) Изъ письма Вольтера къ императрицѣ отъ сентября 1772 видно, что Екатерина хотѣла заинтересовать его русскими комедіями: «Ce qui m'étoit le plus intéressant, — говоритъ онъ (Lettres de l'Impératrice de Russie et de M. de Voltaire. Paris 1821, въ Voltaire complet. Edition Touquet), — c'est votre inconnu qui fait des comédies dignes de Molière, et pour dire encore plus, dignes de faire rire Votre majesté impériale; car les majestés rient rarement, quoiqu'elles aient besoin de rire... Онъ проситъ прислать ему переводъ. Изъ дальнѣйшаго видно, что рѣчь идетъ о первыхъ комедіяхъ самой императрицы. Въ письмѣ къ Вольтеру, отъ 6 — 17 октября 1772 она говоритъ: «On trouve ici que l'auteur anonyme de ces nouvelles comédies russes, quoiqu'il annonce du talent, a de grands défauts; qu'il ne connaît point le théâtre, que ses intrigues sont faibles: mais qu'il n'en est pas de même des caractères qu'il trace; que ceux-ci sont soutenus et pris dans la nature qu'il a devant les yeux; qu'il a des saillies, qu'il fait rire, que sa morale est pure, et qu'il connaît bien la nation; mais je ne sais si tout cela soutiendra la traduction».

Въ письмѣ императрицы отъ 11 — 22 ноября 1772: «Dans peu je vous enverrai la traduction française de deux comédies russes. On les transcrit au net».

Отъ Вольтера къ императрицѣ, отъ 13 февраля 1773: «Madame, ce

тературные интересы императрицы. Въ 1767, произошло два знаменательныхъ факта: изданъ былъ „Наказъ“, и сдѣланъ императрицею и ближайшимъ ея кругомъ переводъ „Велизарія“ Мармонтеля (вышедшій изъ печати въ 1768, подъ именемъ „Велизера“).

Правда, „Наказъ“ и въ собственныхъ глазахъ императрицы былъ не столько дѣломъ писателя, сколько наставленіемъ и повелѣніемъ верховной власти по дѣламъ законодательства, управленія и суда. Извѣстно сильное впечатлѣніе, произведенное „Наказомъ“: лучшая, просвѣщеннѣйшая часть современниковъ находила въ немъ нравственную опору для образовательныхъ и гуманныхъ интересовъ, какіе начиналъ пробуждать и въ нашемъ обществѣ вѣкъ „просвѣщенія“. Множество разъ потому „Наказъ“ приводился въ защиту этихъ интересовъ, — и такъ какъ бросалось въ глаза противорѣчіе заявленныхъ

qui m'a principalement étonné de vos deux comédies russes, c'est que le dialogue est toujours vrai et toujours naturel, ce qui est à mon avis un des premiers mérites dans l'art de la comédie; mais un mérite bien rare, c'est de cultiver ainsi tous les arts, lorsque celui de la guerre occupait toute la nation. Je vois que les Russes ont bien de l'esprit et du bon esprit; votre majesté impériale n'était pas faite pour gouverner des sots; c'est ce qui m'a toujours fait penser que la nature l'avait destinée à régner sur la Grèce...

Подлинѣ, когда Гриммъ дѣлалъ, повидимому, критическія замѣчанія о пьесахъ Екатерины II противъ суевѣрій (эти пьесы были переведены въ 1786), она писала ему отъ 1 декабря 1787: „Eh bien, ces oeuvres dramatiques, les voilà pulvérisées, n'est ce pas? Point du tout. Je soutiens que cela est toujours assez bon là où il n'y en a pas de meilleures, et puisqu'on y a couru, qu'on y a ri, et qu'elles ont fait l'effet d'arrêter l'effervescence sectaire, ce sont des pièces qui malgré leurs défauts ont eu le succès à elles désirable; en fera de meilleures qui pourra, et quand celui-ci sera trouvé, nous n'en ferons plus, mais nous nous amuserons des siennes“. Дальше приведены цитаты изъ переписки съ Гриммомъ и Цаммерманомъ по поводу различныхъ пьесъ императрицы.

въ немъ правительственныхъ и нравственныхъ идеаловъ съ наличной дѣйствительностью, то уже вскорѣ, видимо для устраненія возможныхъ практическихъ недоразумѣній, распространеніе „Наказа“, — переведеннаго между тѣмъ на нѣсколько иностранныхъ языковъ, — было ограничено административною мѣрой... Какъ бы ни было, „Наказъ“, — писанный императрицею съ первой строки до послѣдней, безъ всякаго участія ближайшаго круга, — являлся также литературнымъ произведеніемъ Екатерины: здѣсь она усвоивала великодушныя, политическія и нравственныя, идеи лучшихъ умовъ XVIII вѣка, хотѣла примѣнить ихъ на дѣлѣ въ управленіи громадной имперіи и внушить ихъ своимъ подданнымъ. Для образованнѣйшихъ людей русскаго общества императрица являлась писательницей, принимавшей къ сердцу и защищавшей лучшіе результаты тогдашней европейской литературы: нѣкогда Петръ Великій бралъ въ образецъ иностранныя „регламенты“, Екатерина обращалась къ писателямъ (Монтескьё, Беккариа).

Переводъ „Велизарія“ сдѣланъ былъ въ маѣ 1767, во время путешествія императрицы по Волгѣ. Мысль, безъ сомнѣнія, принадлежала ей; въ исполненіи участвовали многіе изъ приближенныхъ, сопровождавшихъ ее въ путешествіи. Переводъ романа Мармонтеля указывалъ тѣже сочувствія къ просвѣтительной, именно французской, философіи вѣка.

Въ 1769—1770 годахъ, въ числѣ появившихся тогда небольшихъ нравоучительно-сатирическихъ журналовъ была „Всякая Всячина“. Имя издателя указано не было; современники (какъ Новиковъ, въ „Опытѣ историческаго

словаря о російскихъ писателяхъ“ 1772) высказывали въ печати, что „Всякая Всячина“ приписывалась Г. В. Козицкому по его „великому просвѣщенію“, „чистотѣ и пріятности его слога“, — на дѣлѣ въ этомъ не сомнѣвались, а такъ какъ Козицкій былъ секретаремъ императрицы „у принятія челобитенъ“, то получалъ вѣроятіе слухъ или предположеніе, что въ журналѣ своего секретаря принимала участіе сама императрица. Такъ въ дѣйствительности и было. Нѣтъ сомнѣнія, что нравственной почвой, на которой основались эти журналы, являвшаяся чѣмъ-то прежде небывалымъ, было именно впечатлѣніе „Наказа“ и собравшей затѣмъ „Коммиссіи для сочиненія новаго уложенія“: какъ будто, въ первый разъ, вызывалось вниманіе общества къ нравственнымъ вопросамъ и къ наличной дѣйствительности. Образцомъ для этихъ журналовъ послужили западныя изданія подобнаго рода, особенно англійскія (знаменитый „Spectator“ Аддисона): изъ нихъ выбирались и передѣлывались статьи, которыя можно было примѣнить къ русскимъ нравамъ. Эта правоучительная сатира, хотя заимствованная въ своей основѣ или поводѣ, принималась къ сердцу русскими писателями, и примѣненіе къ русскимъ нравамъ получало разные оттѣнки. Между маленькими журналами вскорѣ возникла полемика; цѣлью ея, со стороны журнала Новикова, была въ особенности „Всякая Всячина“: сущность разнорѣчія заключалась въ томъ, что Новиковъ гораздо строже относился къ общественнымъ „порокамъ“, въ которыхъ его противникъ хотѣлъ видѣть только „слабости“. Poleмика принимала иногда довольно острый характеръ, и у историковъ этой литературы возникало

даже сомнѣніе, зналъ ли Новиковъ въ ту минуту, кто былъ его противникомъ, — т. е. доходило ли до него точное свѣдѣніе, что въ журналѣ Козицкаго очень дѣятельно участвовала сама императрица.

Безъ сомнѣнія, въ связи съ этими опытами правоучительной сатиры зародилась мысль высказывать правоученіе въ драматической формѣ. Главнымъ образомъ, императрица писала комедіи: эта форма драмы въ то время считалась предназначенной именно для „исправленія нравовъ“; „историческія представленія“ имѣли въ виду давать картины древности — какъ бы въ дополненіе къ тому изложенію русской исторіи, которыми императрица въ то время была занята; „оперы“ давали на сценѣ образчики народной поэзіи; „Горе-Богатырь“ былъ прямо политической сатирой.... Съ 1772 года открывается рядъ комедій, писанныхъ „въ Ярославлѣ“, „во время чумы“. Первою была комедія: „О Время!“ Не выяснено, почему для прикрытія авторства былъ выбранъ Ярославль; быть можетъ, по памяти о еще недавнемъ тогда времени, когда въ Ярославлѣ возникъ первый русскій театръ. Но пьесы давались на сценѣ и имя автора не могло остаться тайной: Новиковъ привѣтствовалъ „неизвѣстнаго сочинителя комедіи О Время!“ посвященіемъ ему своего „Живописца“, — гдѣ рядомъ съ выраженіями сочувствія „неизвѣстному сочинителю“ высказывается благоговѣніе передъ мудрыми началами правленія имп. Екатерины. — Литературные взгляды были одни и тѣ же. Комедія должна исправлять нравы; „*ridendo castigat mores*“ — была надпись на занавѣси Эрмитажнаго театра; о первыхъ своихъ комедіяхъ императрица пишетъ Вольтеру,

какъ въ послѣдствіи о другихъ пьесахъ Гримму и Циммерману, и ее не покидаетъ мысль о воздѣйствіи на нравы осмѣяніемъ невѣжества, предрасудковъ и суевѣрій. Новиковъ — это были начальные годы царствованія — возлагалъ надежду успѣховъ просвѣщенія на благія начинанія императрицы.

Если здѣсь тайна авторства была полу-открыта, то въ другихъ случаяхъ — около того же времени — тайна была столь строго соблюдаема, что авторство императрицы остается у историковъ и донинѣ спорнымъ. Таковъ изданный по-французски, безъ имени автора, „Антидотъ“ (*Antidote ou examen du mauvais livre superbement imprimé* и пр.), опроверженіе „Путешествія въ Сибирь“ аббата Шаппа, члена французской академіи, сдѣлавшаго въ 1760—61 путешествіе въ Тобольскъ для наблюденія прохожденія Венеры черезъ дискъ солнца и издавшаго свою книгу уже въ царствованіе Екатерины, въ 1768. Такъ какъ имя автора „Антидота“ не было названо, то и въ XVIII вѣкѣ и донинѣ принадлежность книги императрицѣ Екатеринѣ не разъ упорно отвергалась. Книга не была переведена по-русски и вообще была мало извѣстна въ русскомъ обществѣ.

Подобнымъ образомъ подвергалась сомнѣнію небольшая книжка: „Тайна противо-нелѣпаго общества“, изданная первоначально на французскомъ языкѣ съ фиктивнымъ мѣстомъ и годомъ печатанія (*Le secret de la Société anti-absurde etc. A Cologne, 1759*, т. е. какъ думаютъ, Спб. 1780).

Къ первымъ 1780-мъ годамъ относятся новые труды императрицы. Она предана была заботамъ о воспитаніи

внуковъ; опять, чтобы опредѣлить принципы воспитанія, она обращается къ западной литературѣ, гдѣ ищетъ указаній у Монтэня, Руссо, Базедова и особенно Локка. Она пишетъ наставленія о воспитаніи, первыя учебныя книжки, наконецъ сказки: „Февей“ былъ потомъ передѣланъ въ оперу; „Царевичъ Хлоръ“ въ Фелицѣ доставилъ Державину тему знаменитыхъ одъ.

Въ 1783 основана была „Россійская Академія“, начато было изданіе „Собесѣдника любителей Россійскаго слова“ (1783—84). Академія имѣла свой образецъ въ академіи французской и должна была „усовершенствовать и возвеличить слово наше“: сюда примыкали интересы императрицы Екатерины къ составленію Русскаго и Сравнительнаго Словаря. „Собесѣдникъ“ издавался „издѣвеніемъ Имп. Академіи Наукъ“, директоромъ которой была кн. Дашкова. Екатерина II печатала здѣсь „Были и небылицы“, а главное — „Записки касательно Россійской исторіи“, вышедшія потомъ въ исправленномъ и дополненномъ изданіи въ шести томахъ. Этотъ послѣдній трудъ, доведенный только до половины XIII столѣтія, и любопытный какъ выраженіе взглядовъ Екатерины II на русскую древность, нѣкогда, въ концѣ прошлаго вѣка, вызывалъ сомнѣнія относительно авторства императрицы: писали, въ нѣмецкомъ журналѣ, будто Записки были извлечены изъ рукописнаго сочиненія Стриттера.

Въ первыхъ книгахъ „Собесѣдника“ явились оды Державина, прославлявшія Екатерину, и также извѣстныя „Вопросы“ Фонъ-Визина съ отвѣтами императрицы. Если отчасти и прежде, во время изданія „Всякой всячины“, оказывалось затруднительнымъ соединеніе